

Век. Москва — 2000. 2 июня. С. 5

Холера ясна!

Армстронг называл его «белым Армстронгом», он его — «черным Рознером»

Вечному скитальцу и джентльмену от джаза Эдди Рознеру — 90 лет. О нем, в отличие от Утесова или Цфасмана, до сих пор мало что известно. Потому что о Рознере очень долго нельзя было не то что писать, но и говорить — сначала как об узнике сталинского ГУЛАГа, потом — как об эмигранте (в 70-х годах он уехал в Америку).

Аркадий ПЕТРОВ

Вираз вундеркинда

Рознер, сын польского эмигранта-сапожника, учился в Берлине, сначала — как скрипач — в консерватории (училище) Штерна. Потом в Высшей музыкальной школе, которую он закончил с золотой медалью. Занимался в классах композиции и дирижирования у Франца Шрекера, автора опер (его «Дальний звон» был в 1925-м поставлен в Ленинграде). Имя скрипача-вундеркинда стало известным. Однако в 1928 году 18-летний Рознер неожиданно подписал ангажемент как солист-трубач. Вероятно, был слышан об успехах джаза и решил, что эстражник явно добьется большего, чем скрипач-«классик». Он уехал в Гамбург и стал первым трубачом танцевального оркестра Марек Вебера. Организовал собственный коллектив. Не беда, что оркестр тут же распался — Рознера немедленно пригласил модный в те годы дирижер, тромбонист Стефан Вайнтрауб. Его «Вайнтрауб синкопейторс» была лучшим танцевальным биг-бэндом предвоенной Европы. Школа «Вайнтрауб» служила Рознеру многие годы — лиссандо, тремоло, прием «непрерывного дыхания», манера играть на двух инструментах сразу... С бэндом Рознер объехал всю Европу, участвовал в записях музыки к фильмам с Марлен Дитрих («Голубой ангел»), Франчески Галь («Вероника»), Ганса Альберса («Золотой саксофон»). Подружился с Армстронгом, совершавшем в 1934 году европейское турне. Армстронгу игра Рознера понравилась, и он при расставании подарил европейскому «королю джаза» свою фотографию с надписью «Белому Луи Армстронгу». По словам самого Рознера, он не растерялся и тут же одарил Сачмо своей фотокарточкой, на которой написал: «А это — в подарок черному Эдди Рознеру».

ское происхождение, польское гражданство... В 1934 году немецкое правительство потребовало у европейских властей вернуть в Германию всех оказавшихся за границей немецких подданных. Рознер в этот момент выступил в Бельгии. Он тут же распустил коллектив, перебрался в Швейцарию, а потом в Польшу. Работал в оркестре Ежи Бельзацкого, затем собрал собственный состав. В отличие от большинства польских оркестров, исполнявших сладкую салонную музыку (в основном, в ритме танго), оркестр Рознера играл достаточно чистый джаз. В его выступлениях по-прежнему были эффектные трюки — игра на двух трубах сразу, непрерывное дыхание (пока он тянул одну ноту — музыканты разговаривали, читали газеты, играли в карты)... В 1938 году оркестр Рознера гастролировал по Франции, причем в программе значилось, что коллектив «только что вернулся с гастролей в Америке». Это был обычный ре-

еще до XX съезда, стал постепенно освобождать из заключения бывших «врагов народа».

Эдди Игнатъевич был человеком авантюрного склада. Рассказывал, как вместо того, чтобы ожидать рассмотрения своей просьбы о выезде в Польшу (он имел на это право как бывший польский гражданин), он просто купил во Львове на базаре паспорт у какого-то контрабандиста. Именно за это ему и дали срок.

Юрий Саульский, композитор:

— После возвращения с Колымы Эдди вновь собрал оркестр. И пригласил меня как музыкального руководителя. Мы проработали вместе около двух лет... В те времена многие исполнители лишь делали вид, что импровизируют, а сами играли выученное наизусть соло. Рознер же был подлинным импровизатором — слава Богу, я все это видел и слышал каждый вечер! Конечно, у него были заранее написанные «заготовки», отдельные эффектные ходы — и все-таки каждый раз он играл что-то новое. Коронным номером был «Сан-Луи блюз» Хэнди в моей аранжировке, в котором была сольная каденция трубы. Я подыгрывал ему аккордами рояля, иногда используя замысловатые модернистские аккорды, что его иногда слегка сбивало с толку. Он оборачивался, бросал свое

стандартное «Холера ясна!» и начинал шаг за шагом следовать за мной, импровизируя на основе этих же аккордов. Получалась незапланированная му-

Вот как он обставлял свое пребывание в подвалах Лубянки: «Слева в камере — атаман Краснов, справа — румынский маршал Антонеску, а посреди — я!». Ему нужен был масштаб, даже в НКВД он должен был сидеть в окружении знаменитостей!

зыкальная беседа. Какая у него была голова и какая джазовая интуиция!

Рознер был эффектный джентльмен в расцвете лет. Узенькие усики по моде тридцатых годов, любезная улыбочка... Он очень напоминал главного героя, балетмейстера, из фильма Боба Фосса «Вся эта суета» («All that jazz») — даже походкой, манерой говорить. Невысокий, динамичный, жизнерадостный и даже явно сексуальный... Он был спортивен, подтянут, в молодости занимался боксом. Элегантно одевался, на сцену всегда выходил в безукоризненно белом костюме. Стопроцентный мужчина. Киногерой. Выходил, демонстрируя ослепительную белозубую улыбку: «Холера ясна, Юрочка, я готов!» Он был неотразим.

Какая голова!

В 1946 году Рознера был арестован и сослан в Сибирь. На свободу он вышел восемь лет спустя, в 1954-м, когда Хрущев,

Продукт капитализма

И программа оркестра, и «явление звезды» на сцене были выстроены как эффектное шоу. Сначала из-за кулис появлялась рука с трубой — зал тут же бешено аплодировал. Он долго держал так инструмент, пока публика не начинала просто безумствовать. И тогда — улыбка, зубы, костюм: выходит ОН. Ну — почти что спускается с небес на нашу грешную землю. Когда в 1994 году в Москву приехал с гастролями Рэй Чарльз, выход его на сцену был срежиссирован примерно так же. Это была блестящая школа «поддачи» звезды, отработанная еще в 20-е годы. Перед первым номером Рознер всегда приказывал оркестру: «Смайлинг!» («Улыбаемся!»). Хотя, раскланиваясь с публикой, мог тут же незаметно прошептать в сторону кого-то из музыкантов: «Дерьмо!» Он был жестким человеком, и если кто-то ему не нравился — безжалостно растаптывал его. В оркестре тогда говорили: «Эдди — продукт капитализма!» Сами-то привыкли к российской расхлябанности, а Рознер этого не выносил. Причем временами его жесткость просто невозможно было выдержать.

Впрочем, он мог нарваться и на «встречные номера» от музыкантов, которые отыгрывались за все его бесконечные придирижки. Когда-то Рознер легко играл высокие ноты, но после Сибири, лагеря, цинги столь высоко забираться «в стратосферу» уже не мог — самые высокие пассажи в третьей октаве за него незаметно исполнял другой трубач. Но вот они поссорились. Идет концерт. Рознер добирается в своей каденции до самых высоких нот... и — молчание! Трубач не играет! Рознер оборачивается, бормочет «Холера ясна!» и снова начинает свою ругань на трубе. И опять пауза. Когда занавес был опущен, музыкант подошел к Рознеру и сказал: «Ну что? Все понятно? Больше никогда не ругайтесь с первым трубачом!»

Последний аккорд

Эдди нужно было постоянно самоутверждаться. Как боксер на ринге, он был всегда готов к схватке. И во всех видел соперников и конкурентов. Когда десять лет спустя Саульский собрал оркестр «ВИО-66», то сразу перестал для него существовать. Рознер собрал тогда свой последний превосходный состав — с такими звездами, как Геннадий

Гольштейн, Константин Носов, Давид Голощекин...

Без риска, приключений, скандалов ему было неинтересно жить. Он был мастер мистификации. Его новеллы (второй Иракий Андроников!) получались такими яркими, что он сам начинал во все рассказанное верить. Вот как он обставлял свое пребывание в подвалах Лубянки: «Слева, в камере — атаман Краснов, справа — румынский маршал Антонеску, а посреди — я!». Ему нужен был масштаб, даже в НКВД он должен был сидеть в окружении знаменитостей!

В 1973 году, после двухлетних хлопот, он получил разрешение на эмиграцию. Он думал играть на Западе, но, конечно, из этого ничего не вышло — его музыкальная карьера закончилась с выездом из СССР. Он вскоре понял это и мучительно переживал свою ненужность... Умер Эдди Игнатъевич в Германии в 1976 году.

Он рассказал мне как-то неправдоподобную историю (но кто знает — может, и реальную?) о том, как начало войны застало его на шведском пароле в проливе Скагеррак. У него не было с собой нужных документов, и несколько дней он провёл в море, на пароле — между двумя берегами. Ситуация — символ его жизни...

Из Польши в СССР

С приходом нацистов у Рознера возникли проблемы — еврей-

*Черт подери! (польск.)